

щая стехиометрическое мышление. Если число в «*Натуральной магии*» Джованни Баттисты Порты жестко и неизбежно (*Porta*, 1589), то в алхимии число зыбко, разрешает алхимику иногда что-нибудь прибавить, а иногда и убавить. Произвол герметического художника, «предвосхитившего» Леонардо, живопись которого, по точной мысли В. П. Зубова, учила его же геометрию (1969, с. 15). Итак, единичное и единственное алхимическое видение, и только потому всеобщее. *Единственность* (*singolarita*) Леонардо как будто коренилась в алхимии, которой никогда не угрожало «чрезмерное знание» (с. 16).

Алхимическое мышление объемно. Это обеспечено многогранностью алхимического космического символизма, смонтированного из квазинаучного вселенского обобщения, квазиремесла и *тэхнэ* как искусства.

Не потому ли алхимия не была да и не могла быть «*калькуляторской*» наукой, что не умаляло ее практической научности и непрактичной эмпиричности?! *Калькуляция «градусов» в учении о божественной благодати*, например, была чужда алхимикам-артистам. Это было куда более псевдоэмпирично, нежели декоративный эмпиризм алхимии. Зубов считает науку «*калькуляторов*» вырождением даже по сравнению с чисто схоластическими тонкостями авторов первой половины XIV века (с. 17—18).

Алхимия была еще и анимистична, как бы подготавливая «биологическую» составляющую самоновейшей химии.

Теоретическое обобщение, *тэхнэ*-ремесло и *тэхнэ*-искусство жили в алхимии пародийно средневековой жизнью купно и нераздельно, ратоборствуя друг с другом в разных своих обликах в те же самые средневековые времена.

ПОДВЕДУ НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ. Алхимия как вид деятельности в генезисе располагается между теоретизированием в духе позднеэллинистической учености и технохимическим имитирующим ремеслом. В таком среднем положении алхимик нарочито дилетантским образом, не являясь в чистом виде ни философом-александрийцем, ни металлodelьцем-имитатором, «решает» основную познавательную задачу средневековья о соотношении *духа* и *плоти*. Эта задача в алхимической практике предстает как проблема тождества оперирования с веществом и размышления по поводу вещества. Но в целом эта проблема мыслится как проблема космогоническая, хотя и рассматривается в терминах технохимической эмпирии. Здесь-то и начинается осмысление алхимии как химии. Какова же эта технохимическая эмпирия? Она в главном совпадает с эмпирией технохимика-ремесленника: аппараты, приборы, химическая посуда, вещества; открытие, наблюдения и описание веществ и их взаимодействий; препаративные процедуры и операции. Так ремесленная химия включается в алхимию, но в качестве ситуативного фона, в виду которого проигрывается иная цель: не утилитарная (как у *Теофила Пресвитера*, *Бирингуццо*, *Агриколы*, *Палисси*), а глобальная, направленная на построение алхимического *универсума* как образа культуры.